

Глава 1

Май 1785 года

Он яростно затряс головой, когда налетевшая волна окатила его солеными брызгами, и изо всех сил налег на весла.

Вокруг бесновалась и пенилась морская стихия, так и стремившаяся бросить его баркас на острые, словно акульки зубы, камни, охранявшие вход в пещеру. Его руки и плечи горели от напряжения, силы были на исходе. Он удерживал баркас, собрав в кулак всю свою волю, и наконец, издав нечеловеческий вопль, протолкнул его между острыми валунами. Проплывая под низким сводом, он пригнул голову, и баркас скользнул в пещеру.

А в это время далеко позади, в освещенном луной заливе, ждали семь кораблей, вставшие на якорь.

Оказавшись под низким гранитным сводом в крошечной тьме, он отдышался и вытер пот со лба. Без всякой опаски зажег факел, потому что здесь никто не мог его увидеть, кроме полчищ висевших над головой и жутко пищавших летучих мышей. Подогнав лодку к каменной площадке, он спрыгнул на твердую землю.

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как принц Лазар ди Фиори последний раз ступал на землю острова Вознесения.

«Почти половина моей жизни», — подумал он, хотя вряд ли можно было назвать жизнью существование на самом дне общества. Он устремил взгляд вниз, потом опустился на колени и зачерпнул мягкий, сверкающий песок загорелой мозолистой ладонью. Отстраненно и печально принц смотрел, как песок струится сквозь пальцы. Так же легко он потерял и все остальное.

Будущее.

Семью.

А с рассветом исчезнет его душа.

Песок с шуршанием сыпался на землю, и вскоре в руке принца остался лишь твердый черный камешек. Его он тоже бросил.

Ничего ему теперь не нужно.

Он встал и поправил перекинутый через плечо ремень, к которому крепился меч. Вот уже час мокрый ремень немилосердно натирал кожу груди, где запахнулся черный камзол. Принц отхлебнул рома из серебряной фляжки, висевшей на тонком кожаном ремешке под камзолом, и поморщился, когда крепкий напиток вспыхнул в желудке огнем.

Подняв факел, он оглядел пещеру и увидел вход в потайные подземные тоннели, пробитые в скале много веков назад для его семьи. Странно, что это не очередная легенда о великом доме ди Фиори и что теперь только он знает о существовании этих ходов.

Подойдя ко входу в тоннель, принц с опаской вытянул вперед факел и всмотрелся во мрак. Человеку, привыкшему к морским просторам, было чертовски неприятно в замкнутом пространстве.

— Ну давай же, вперед, заячья душа, — пробормотал он, чтобы нарушить тягостную тишину, и заставил себя шагнуть в темноту.

Стены потайного хода блестели от воды и плесени. Свет факела отбрасывал причудливые

фантастические тени, плясавшие и извивавшиеся на черном граните. Там, где кончался круг света, была непроглядная тьма, но принц знал, что наверху в этот самый момент его враг торжествует на балу.

Лазару не терпелось нарушить этот праздник. Вскоре тоннель приведет его в самое сердце города, и никакие закрытые городские ворота и меры безопасности, принятые Монтеверди, тому не помогут.

Полчаса принц преодолевал крутой подъем, пока не достиг развилки. Левый тоннель выровнялся, а правый уходил вверх и выводил в подвалы Белфорта — разрушенного замка на вершине горы.

Лазару хотелось бы повидать это древнее место, но сейчас не время для сентиментальных воспоминаний. И, не колеблясь, принц повернул налево.

Наконец прохладные струи свежего воздуха коснулись его щек и кромешная тьма впереди сменилась полночной синевою неба, усыпанного бриллиантами звезд. Факел зашипел, когда Лазар опустил его в небольшую лужицу, образованную стекавшей со стен влагой. Принц стал пробираться к узкому выходу из тоннеля.

Мощные заросли колючего плюща и сорняков закрывали выход из тоннеля. Сердце Лазара неистово колотилось, когда он стал продираться сквозь эти заросли, стараясь не оставлять следов. Выбравшись на свежий воздух, принц заткнул за пояс мавританский кинжал с изогнутым лезвием и обвел взглядом окрестности.

Дом!

Все вокруг сияло под лунным светом — поля, спускающиеся террасами, оливковые сады, виноградники, апельсиновая роща на следующем холме. Ночной ветерок доносил до принца восхитительный запах родной земли. А позади возвышалась древняя, заросшая мхом римская стена, защищав-

шая королевство, как и тысячу лет назад. Ее огромные камни словно дышали воспоминаниями.

«Мы — оплот всего, мальчик, мы, Фиори. Никогда не забывай...»

Он сделал несколько нерешительных шагов... Вокруг звучала музыка полей — стрекот цикад и кваканье лягушек; издалека доносился шум прибора. Все было точно так же, как и раньше.

У принца сжалось сердце, и, откинув голову, он на мгновение закрыл глаза; воспоминания, которые Лазар все эти годы усиленно гнал от себя, неумолимо нахлынули на него.

Прохладный ветерок шелестел в листьях виноградника, и вскоре уже и весь сад, и цитрусовая роща, и травы что-то шептали ему, словно голоса дорогих его сердцу призраков умерших королей и королев. Они кружили вокруг Лазара, своим шепотом побуждая к действию: «Отомсти за нас!»

«Да!» Он открыл глаза, и боль в них внезапно сменилась яростью.

Лишь один человек был виновен в том, что он лишился всего, что принадлежало ему по праву. Лазару есть за что поквитаться, и, видит Бог, он приплыл сюда лишь за этим. Больше ему нечего здесь делать. Губернатор позаботился об этом. Но теперь он заплатит за все.

Да, легенда гласила, что древняя традиция вендетты родилась вовсе не на Сицилии и не на соседней Корсике, а именно на этом острове. И вскоре Монтеверди почувствует это.

Наконец-то закончатся пятнадцать лет ожидания и вынашивания планов. К рассвету враг будет у него в руках, и Монтеверди получит по заслугам сполна. Его близкие умрут, сам он тоже простится с жизнью, а город будет уничтожен.

Но прежде должна свершиться самая изощренная месть.

Пусть предатель выстрадает то же, что и он.

Кровная месть, которой Лазар жаждал столько лет, осуществится в полной мере лишь тогда, когда Монтеверди будет стоять в цепях и смотреть, как лишают жизни единственное дорогое ему создание — его невинную юную дочь.

А когда все останется позади, Лазар уплывет и никогда больше не ступит на свою землю.

Пусть даже это разобьет его сердце.

Сложив руки за спиной и заставляя себя улыбаться, Аллегра Монтеверди стояла в бальном зале с группой гостей и гадала, заметил ли кто-нибудь еще, что ее жених медленно, но верно напивается.

Правая рука губернатора, он редко проявлял слабости. Она была рада, что он по крайней мере не позволил себе распуститься, хотя чему тут удивляться: виконт Доминик Клемент не способен на грубые выходы. Он ведь само изящество и элегантность.

«Должно быть, повздорил со своей любовницей», — подумала Аллегра, украдкой глядя, как Доминик беседует с дамами и опустошает очередной бокал вина.

Аллегра с невольным восхищением отметила, как его бледно-золотистые, слегка припудренные волосы, заплетенные в косичку, блестят в свете хрустальных канделябров.

Вино странно действовало на него. «*In vino veritas*» — истина в вине, гласит древняя мудрость, и Аллегре хотелось разглядеть за изысканной внешностью виконта его истинную суть. До их свадьбы осталось лишь несколько месяцев, а ее не покидало ощущение, что она совершенно не знает своего будущего мужа.

Поэтому Аллегра незаметно присматривалась к человеку, которому когда-нибудь родит детей.

Перехватив взгляд девушки, Доминик извинился перед дамами и со сдержанной улыбкой направился к ней.

Аллегра подумала, что вино не смягчило виконта, напротив, он стал агрессивнее. Вокруг рта обозначились складки, выражающие недовольство, правильные аристократические черты лица как бы заострились, а зеленые глаза сверкали, будто граненые изумруды.

Подойдя к Аллегре, Доминик обвел оценивающим взглядом ее фигуру и, наклонившись, поцеловал в щеку.

— Здравствуй, красавица. — Увидев, что Аллегра зарделась румянцем, виконт коснулся ее руки. — Пойдем, юная леди. Ты должна мне танец, — сказал он, но в этот момент внимание Аллегры привлек разговор гостей.

— Бешеные псы, вот кто они! — воскликнул мужчина, пытаясь перекричать музыку. — Да повесить надо всех этих мятежников, если только так их можно утихомирить.

— Повесить? — обратилась к нему удивленная Аллегра.

— Что это происходит с простолюдинами? — Рыхлое лицо его жены выразило недовольство. — Вечно на что-то жалуются. Такие нетерпимые и злые! Разве они не понимают, что если бы не лень, у них было бы все, в чем они нуждаются?

— Лень? — возмущенно переспросила Аллегра.

— Ну вот опять, — вздохнул Доминик и, наклонив голову, прикрыл глаза рукой.

— Совершенно верно, моя милая, — подтвердил пожилой мужчина. — Я всегда говорю, им нужно лишь снова заняться работой и перестать обвинять всех в своих бедах.

— А что скажете о последних налогах? — возразила Аллегра. — Им же нечем даже кормить

8 детей.

— Что? Налоги? О Боже! — воскликнула рыхлая дама, с недоумением и тревогой разглядывая девушку в лорнет.

— Знаете ли, ходят слухи о крестьянском бунте, — доверительным шепотом сообщила другая дама.

Аллегра открыла рот, желая объяснить ситуацию.

— Дорогая, не стоит, — попросил Доминик. — Я так устал успокаивать всех.

— Они убьют нас, если мы не будем начеку, — кивнул пожилой мужчина со значительным видом. — Как бешеные псы.

— Да не обращайтесь на них внимания! — весело проговорила Аллегра. — Они злятся от голода. Не хотите ли пирожных? Марципанов? Шоколада? — Ее глаза вспыхнули от гнева, когда она, жестом подозвав слугу, молча смотрела, как жадно гости накиннулись на сладости.

Завитые и напوماженные, в париках и драгоценностях, гости ее отца ворковали над великолепными пирожными и конфетами на подносе и, алчно поглощая их, пачкали сахарной пудрой свои дорогие наряды.

Доминик взглянул на нее с мученическим выражением:

— Дорогая, ну полно же!

— Но ведь это правда, — сердито заметила Аллегра. — Этих приверженцев прежних времен уже не изменить, их головы под париками уже ничего не соображают, а сердца зачерствели, как высохшие сливы. Дух времени изменился — на смену им пришла смелая молодежь с блестящими идеями! А этих сметут как пыль.

— Так мы потанцуем?

Аллегра невольно улыбнулась:

— Ты просто пытаешься отвлечь меня, опасаясь, как бы я не высказала то, что думаю.

Чуть улыбнувшись, Доминик наклонился к ее уху:
— Нет, я просто хочу прикоснуться к тебе.

«О Боже! Он наверняка поссорился со своей любовницей».

— Понятно, — дипломатично ответила Аллегра.

И тут она заметила, что тучная графиня что-то прошептала соседке, после чего обе женщины уставились на ее широкий черно-зеленый пояс, завязанный поверх платья из воздушного белого шелка с высокой талией.

Если они не поняли, что это платье в новом пасторальном стиле отвечает демократическим идеалам, то черно-зеленый пояс и вовсе поставил их в тупик.

Аллегра гордо вскинула голову, показывая, что ее не запугать. Возможно, никому в этом зале нет дела до того, что за стенами дворца голодают крестьяне, но ее это волнует, и если единственный способ выразить протест — вот этот пояс с древними цветами острова Вознесения, то она с достоинством будет носить его.

Аллегра позаимствовала эту идею у чудесной женщины, с которой тетя Изабель познакомила ее в Париже. Француженки носили красно-бело-голубые пояса в знак солидарности с американскими колониями, когда те вели войну с Англией. Вернувшись домой полгода назад, Аллегра попыталась использовать эту идею, но быстро поняла, что здесь косо смотрят на женщин, имеющих политические взгляды, особенно если они противоположны взглядам правительства. А это правительство ее отца.

— Губернатор! — торжественно провозгласил кто-то, когда в зал вошел герой вечера.

Аллегра внутренне сжалась, зная, что он будет недоволен, заметив ее черно-зеленый пояс. Но, поразмыслив, она решила, что нет оснований тревожиться,

ведь отец никогда не обращает на нее внимания.

— Да здравствует губернатор! За следующие пятнадцать лет у власти! — скандировали гости, поднимая бокалы в честь виновника торжества.

Губернатор Оттавио Монтеверди, кареглазый мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, подтянутый, с только наметившимся брюшком, отличался сдержанными манерами и, имея многолетний опыт государственной службы, безукоризненно держался со своими гостями.

Поклонившись всем в знак благодарности, он кивнул Аллегре и взглянул на Доминика.

— Поздравляю, синьор. — Доминик, которого совет готовил на смену губернатору, пожал руку будущему тестю.

— Спасибо, мой мальчик.

— Тебе доставляет удовольствие твой праздник, папа? — спросила Аллегра, ласково коснувшись его плеча.

Губернатор напрягся, и Аллегра, смутившись, опустила руку.

В элегантном, уютном доме тети Изабель в Париже, где Аллегра провела девять лет после смерти матери, никто не скрывал сердечных отношений, но тут она убедилась, что проявления нежности вызывают у отца лишь смущение.

«Ах, как огорчает меня этот нервный, седовласый человек, которого я совершенно не знаю, — с грустью подумала Аллегра. — Всегда такой аккуратный, педантичный, он радуется лишь тому, что все принадлежности на его письменном столе лежат в строгом порядке».

Поначалу девушка была в восторге от того, что наконец живет под одной крышей с единственной родной душой, однако она очень скоро поняла, что отец старается держаться от нее на расстоянии. Долго размышляя над этим, Аллегра решила, что, видимо, она слишком напоминает ему мать.

Аллегра чувствовала, что отец страдает, хотя он никогда не говорил об этом, и считала необходимым каким-то образом достучаться до его души. Именно поэтому она вложила столько сил в сегодняшний прием, стараясь сделать радостной для отца эту годовщину.

Отец сдержанно улыбнулся Аллегре, но когда его взгляд упал на ее пояс, он побледнел и словно окаменел.

Она вспыхнула, но не стала оправдываться, а Доминик отошел, предоставив ей возможность самой защитить себя.

Отец схватил Аллегру за руку и отвел в сторону.

— Отправляйся в свою комнату и немедленно сними это. Черт возьми, я же велел тебе сжечь этот пояс! Не будь ты моей дочерью, я бросил бы тебя в тюрьму за подстрекательство к бунту.

— В тюрьму, папа? — опешила она.

— Ты что, ничего не понимаешь? Такое демонстративное неповиновение — это пощечина всему совету и мне лично!

— Я вовсе не хотела оскорбить тебя, — промолвила она. — Я лишь выражаю свою точку зрения и, надеюсь, имею право на это. Или же ты принял закон и против того, чтобы люди выражали свое мнение?

Его карие глаза сузились.

— Ты желаешь, чтобы я отправил тебя обратно в Париж?

— Нет, синьор. — Аллегра опустила глаза. — Остров Вознесения — моя родина. Мое место здесь.

— Тогда помни, что, живя в моем доме, ты должна следовать моим правилам, а находясь на этой земле, подчиняться законам Генуи. Благотворительность — это, конечно, хорошо, но предупреждаю тебя: в последнее время ты была на грани открытого

12 гражданского неповиновения, и я начинаю

терять терпение. А сейчас отправляйся к себе и сожги это!

С этими словами Оттавио отошел и снова превратился в радушного хозяина. А потрясенная Аллегра замерла на месте.

«Меня — в тюрьму? — думала она, наблюдая, как отец обменивается любезностями с гостями. — Да он никогда не отправит меня в тюрьму, не может такого быть!»

Доминик взглянул на нее с такой самодовольной улыбкой, словно намеревался сказать: «Ну, что я тебе говорил!»

Аллегра поморщилась:

— Я пойду к себе. Мне нужно сменить пояс. — В голосе ее прозвучала ирония. Она, разумеется, не собиралась сжигать королевские цвета семьи Фиори.

— Аллегра. — Доминик мягко взял ее за руку. — Знаешь, а ведь твой отец прав. Возможно, он в отличие от меня не отдает должного твоему уму, но я полностью согласен с ним в том, что твой юношеский пыл... скажем так, неуместен. Избавляйся от него сейчас, потому что я тоже не потерплю этого.

Аллегра гневно взглянула на Доминика; колкий ответ так и вертелся у нее на языке, но она промолчала. Чтобы принести пользу своей стране, ей необходимо выйти замуж за Доминика. Она заставит себя смириться с тем, что у него есть любовница, даже с тем, что к ней самой он относится насмешливо-снисходительно. Поэтому сейчас Аллегра покорно улыбнулась, решив выждать время и пообещав себе, что научит его относиться к ней с уважением, когда они поженятся.

— Как угодно, мой господин.

Удовлетворение промелькнуло в его зеленых глазах.

— Иди навстречу, моя прелестная невеста. —

Доминик скользнул пальцами по ее голой руке,

хотя Оттавио стоял рядом с ними. Аллегра покраснела и украдкой взглянула на отца, пытаясь понять, заметил ли он это, потом снова посмотрела на Доминика.

«Он уже сильно пьян», — подумала она, глядя на пустой бокал в его руке.

— Иди. — Доминик подтолкнул девушку к двери и хищно улынулся.

Она удалилась из зала встревоженная и озадаченная. «Неуместный юношеский пыл», — с негодованием вспомнила Аллегра его слова.

В коридоре девушка с облегчением вздохнула и направилась не к себе, а к кухням.

Плиты уже остыли, но запах чеснока и оливкового масла все еще витал в воздухе. Она попросила усталых слуг собрать часть оставшейся снеди для сиротских домов, которые она регулярно посещала, а другую часть передать в тюрьму, хотя и знала, что отца это рассердит.

Аллегра уже собралась уйти, но что-то заставило ее направиться к широкой двери, припертой кирпичом так, чтобы в кухню проникал ночной воздух.

Шелк мягко струился на тихом ветерке, а девушка с тоской смотрела на площадь: праздник, который она устроила для народа, близился к концу.

Ах, как ей хотелось оказаться рядом с радостно и громко смеющимися соотечественниками! Возможно, они и грубы, но зато искренни в проявлении своих чувств.

На протяжении веков смешивалась кровь греков, римлян, марокканцев и испанцев, и в результате возник тип южных итальянцев, столь же изменчивый и капризный, как и жаркий край, где они обитали. Жители этого острова считались еще более опасными, чем беспокойные корсиканцы, но Аллегра видела в них добрых, энергичных, горячих людей,

14 неисправимых романтиков, чтящих предания

старины, например, в том числе легенду о великих Фиори. Девушка любила и этих людей, как и этот раздираемый враждой, страдающий от нищеты остров, лежащий, словно кучка навоза, которую вот-вот подденет Итальянский сапог.

Ветры перемен еще не донеслись сюда. Но Аллегра собиралась использовать свое положение дочери нынешнего и жены будущего губернатора, чтобы послужить своей стране вопреки этим несносным мужчинам.

Она станет совестью народа.

И возможно, тогда, окруженный любовью и заботой, остров Вознесения наконец оживет после утраты королевской семьи, и особенно короля Альфонса.

Не оправилась после этой утраты и ее мать. Стоя на пороге, Аллегра слышала веселую музыку, видела фокусника и акробатов. Она улыбнулась, наблюдая за молодыми парами, кружившимися в зажигательном сицилийском танце, называемом тарантеллой, и покачала головой, вспомнив о чопорных менуэтах, которые сейчас танцевали в бальном зале.

С грустной улыбкой девушка смотрела на цветные фонарики, окружающие площадь. Эти веселые огоньки словно убеждали ее в том, что враждующие классы, семьи и группировки могут забыть о своих разногласиях и жить в мире.

Она устремила взор к темному небу, усыпанному мириадами звезд, и закрыла глаза, когда ветерок ласково коснулся ее щек. В средиземноморской ночи таились обольщения, и казалось, целые миры отделяют Аллегру от холодного дождливого Парижа. Эта ночь что-то шептала девушке, обволакивала ее ароматами жасмина, хвои и моря.

И тогда она подумала о нем.

О том, с кем не мог сравниться Доминик, о том, кто жил в ее сердце, в фантазиях,